Universiteit Leiden
The Netherlands

Old Russian birchbark letters: a pragmatic approach

Dekker, S.

Citation
Dekker, S. (2016, September 28). *Old Russian birchbark letters: a pragmatic approach*. Retrieved from https://hdl.handle.net/1887/43413

Version: Not Applicable (or Unknown)
License:
Downloaded from: https://hdl.handle.net/1887/43413

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

Cover Page

Universiteit Leiden

Leiden University Repository

The handle http://hdl.handle.net/1887/43413 holds various files of this Leiden University dissertation.

Author: Dekker, S.
Title: Old Russian birchbark letters: a pragmatic approach
Issue Date: 2016-09-28

РЕЗЮМЕ

Настоящая диссертация посвящена древнерусским берестяным грамотам из Великого Новгорода и его широких окрестностей. Маленькие полоски бересты в средневековье здесь служили письменным материалом; с помощью писала на бересте нацарапывались краткие сообщения. Речь могла идти о личной или деловой переписке, записях, списках товаров, черновых судебных документах и т.д., то есть обо всем, что могло быть связано с повседневной жизнью. Грамотность в Новгороде была относительно высокой; именно поэтому в берестяных грамотах отражается жизнь различных слоев общества. Правда, богатейшая элита составляла основную долю их авторов, именно поэтому множество берестяных грамот как-то связано с финансами.

Берестяные грамоты датируются периодом с начала XI до конца XV в.; это означает, что дошедшие до нас тексты охватывают период более 400 лет. Фрагменты берестяных грамот сохранились в земле, и совместно со многими другими археологическими предметами обнаруживаются при раскопках практически ежегодно с 1951 г. Отсутствие кислорода в болотистой почве привело к тому, что органический материал остался неповрежденным. До сезона 2016 г. всего было обнаружено около 1185 берестяных грамот, из которых 1079 было найдено в самом Новгороде.

В течение полувека исследовались различные языковые аспекты берестяных грамот; это привело к появлению новых взглядов в области грамматики и к более глубокому пониманию исторического языкового развития восточнославянских говоров. Однако, данные исследования ограничивались структурной и грамматической тематикой; почти не затрагивались вопросы, связанные с *употреблением языка* и *функцией* берестяных грамот в коммуникативном процессе.

В прошлом десятилетии эта обстановка изменилась, так как некоторые исследователи начали изучать берестяные грамоты с другой точки зрения. Внимание исследователей было привлечено, между прочим, к роли «гонца» или «посыльного», передававшего грамоты, и тем самым вводившего устный компонент в коммуникативный процесс. Этот устный компонент отражался в формулировке грамот. В случае ряда отдельных грамот эта точка зрения привела к обновлённой интерпретации.

Настоящее исследование развивает эту тематику путём исследования собрания материалов как целого с помощью теоретических рамок, при-

влекая внимание к ряду языковых элементов, свидетельствующих об устном компоненте в коммуникативном процессе, частью которого являются берестяные грамоты.

Постановка вопроса настоящего исследования гласит:

Каким образом отражается устный компонент в языковых признаках и как можно объяснить эти признаки в рамках перехода от устной к письменной стадии развития коммуникативных практик?

Исследование было предпринято на основании четырёх тематических исследований, в которых было проанализировано четыре языковых параметра. Было исследовано, до какой степени последние могут быть соотнесены с понятием «устности».

Первое тематическое исследование (в главе 5) посвящено субъекту в императивных высказываниях. Оказалось, что в письмах, адресованных более, чем одному лицу, такое субъект может служить переходным сигналом, с помощью которого автор даёт знак о переходе обращения к другому адресату. В большинстве случаев, этот адресат также обозначается своим именем в звательном падеже. Однако, бывают случаи, где автор довольствуется императивным субъектом. Субъект может даже отсутствовать вообще в императивных высказываниях такого типа. В таких случаях, субъект не может играть никакой роли в обозначении разных адресатов; из этого следует, что эта информация должна была передаваться другим способом, а именно благодаря роли контекста. Личность «гонца» или «посыльного» часто составляла неотъемлемую часть контекста, так как он должен был давать устное разъяснение к достаточно ёмкой формулировке многих грамот.

Во втором тематическом исследовании (в главе 6) обсуждается тема прямой и косвенной речи. На основании как основного деления на прямую и косвенную речь, так и двух дополнительных стратегий, исследуется распределение этих стратегий в корпусе. Употреблением различных стратегий измеряется степень зависимости текстов от контекста. Та, в свою очередь, связана с «устностью»: чем больше зависимость от контекста, тем более значимым является устный фактор.

«Эпистолярное прошедшее время», тема третьего тематического исследования (в главе 7), представляет собой известное явление в других языках и древних письменных культурах, обычно трактуемое как сдвиг к временной перспективе получателя письма. В берестяных грамотах это явление также часто встречается. Однако, данные из берестяных грамот явно показали, что, по крайней мере, возможно альтернативное объяснение, а именно в рамках перспективы автора, который (а) принял решение послать письмо с товаром; (б) предпринял приготовления к отправке товаров; и (в) написанием письма считает действие законченным. Здесь нельзя устанавливать жесткой связи с устным ком-

понентом; заметить можно только то, что нестабильный статус дейктического центра может указывать на экспериментальный характер письменного способа передачи в данном периоде. Способ коммуникации ведь находился в середине процесса развития письменных норм.

В четвертом, и последнем, тематическом исследовании (в главе 8) анализируется употребление прошедшего времени в перформативных контекстах. Высказывание в грамоте, при произнесении которого реализуется действие, часто формулировано в форме перфекта или аориста, в то время как мы сегодня ожидали бы форму настоящего времени. Употребляя таксономию Сёрля, эти формы прошедшего времени классифицированы как «ассертивные декларации», т.е. смешанная форма, соединяющая в себе ассертивный и декларационный компоненты. Ассертив в данном случае означает, что прошедшее время является отражением предыдущей устной церемонии или договора, находящегося в прошлом. Однако, описанием этого действия оно подкрепляется в письменном способе передачи (декларация); это связано с доверием к письму, в котором перформативное действие окончательно зафиксировано. Употребление прошедшего времени показывает, что устный договор является первичным, в то время как его письменное закрепление является вторичным описанием. В нашем обществе, где намного более развиты письменные нормы, эта обстановка была бы противоположной.

Подводя итоги, можно заключить, что четыре тематических исследования вместе указывают в направлении коммуникативного порядка, в котором существенную роль играет устный элемент. Оказалось, что тексты могут соотноситься с устным контекстом тремя способами: тексты могут быть *speech-based*, *speech-purposed* и *speech-like*. Второе связующее звено составляют открытые или скрытые смены перспективы. Третьим критерием является высокая контекстная зависимость берестяных грамот. Эти критерии совместно указывают на то, что берестяные грамоты употреблялись в переходном периоде развития письменных норм. Роль посыльного, доставлявшего грамоты, с одной стороны и растущее доверие к письменным сообщениям с другой, являются взаимно дополняющими и укрепляющими друг друга факторами коммуникативного процесса.